

УДК 329
ББК К 63.371-4

ЖЕНЩИНЫ КАЛМЫКИИ В АКЦИЯХ ПРОТЕСТА 1930-х гг.

Е. Н. Бадмаева

Как известно, масштабная кампания по проведению сплошной коллективизации сельского хозяйства, а вслед за этим раскулачивание и высылка тысяч семей зажиточного слоя крестьянства сопровождались беззаконием и произволом со стороны местных советских и партийных органов власти. Результатом такой политики по отношению к деревне стали массовые народные выступления большинства крестьян, которые прокатились по всей стране. В этом ряду серьезные затруднения для советской власти вызвали проявления протеста со стороны женщин. В 1930 г., по далеко не полным данным, учтено более 3700 выступлений, почти исключительно женских по своему составу. Из 2897 учтенных женских выступлений первой половины 1930 г. — 1154 носили антиколхозный характер, 422 — в защиту раскулаченных, 778 — на религиозной почве и 336 — на почве продовольственных затруднений [Ивницкий 2000: 201].

Отмеченная общероссийская тенденция была характерна и для Калмыкии. В 1930–1933 гг. в ряде улусов (районов) республики наблюдались десятки выступлений с активным участием женщин. На основе анализа архивных материалов того времени представляется возможным констатировать, что в 1930-е годы роль и значение женщин в массовых крестьянских выступлениях против коллективизации, ее реализации и последствий в Калмыкии была достаточно велика, что с полным основанием позволяет говорить о гендерной специфике крестьянского протеста. Деревенские женщины (в Калмыкии в указанный период преобладало сельское население — более 80%) нередко активнее мужчин выражали свое недовольство и протест против непопулярных на селе аграрных мероприятий. Побудительными причинами одиночных и массовых выступлений женщин были протесты против насильственных действий властей в ходе хлебозаготовок, обобществления домашнего скота, создания колхозов, закры-

тия церквей, хурулов и арестов священнослужителей, взимания непомерных налогов и т. д.

Об огромной роли женщин в массовых колхозных выступлениях, особенно в связи с продовольственными затруднениями в 1932–1933 гг., свидетельствуют документы ОГПУ. Так, в секретном донесении начальника Калмыцкого областного отдела ОГПУ П. И. Кишкина отмечались массовые выступления агрессивных настроенных женщин. По его сведениям, особенно активны выступления в I Икичоносковском аймаке (селе) Яшалтинского улуса (района), в Сарпинском улусе и др. [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 46, 227].

В годы голодного бедствия, как сообщалось в донесениях Калмотдела ОГПУ в областной комитет партии, «отмечаются нездоровые явления в очередях среди рабочих и служащих, особенно среди женщин. Эти отрицательные настроения характеризуются такими фактами: «Если пайка не дадите, снег чистить не пойду. У меня семья голодает», «Кричали, в конце пятилетки все будет, а оказалось хуже, чем при крепостном праве», «Конец нам приходит, с голоду будем умирать» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 224].

Протестные настроения в связи с непомерными хлебозаготовками и наступившим голодом в регионе наблюдались даже у членов партии. Член ВКП (б) Варвара Ковтунова при посылке ее на участок для работы по засыпке семфонда заявила: «Это неправильно, везде голод, и я не могу смотреть, когда обируют крестьян. Мне партия ничего не дает, и пусть исключают» [НА РК. Ф. Р.-131. Оп. 3. Д. 28. Л. 42].

В ряде случаев крестьянки ограничивались лишь демонстрацией протеста, приводили с собой своих детей и публично выражали свою обеспокоенность за их жизнь и неприятие новой власти, как это было у здания горсовета в г. Элисте. Как сообщали местные власти в марте 1932 г., «женщины

привели детей и заявили, что дайте муки, а то наши дети умрут с голода... Расстрелять бы эту местную власть. Мука в селе Дивном лежит в скирдах под открытым небом, ее не возили, а теперь кричат, что в городе голод» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 209].

Привлечение детей к акции протеста служило определенным целям и носило чисто прагматический характер: жалкий вид детей, их душераздирающий плач во время протеста должны были произвести на власти моральное воздействие и привести к желанному спасению детей от голода. Кроме того, детское представительство в акциях протеста выступало своеобразным гарантом безопасности взрослых участников демонстрации. Справедливости ради надо сказать, что активное противостояние крестьянок Советской власти стало возможным из-за гораздо меньшей опасности для женщин, нежели для мужчин, подвергнуться репрессиям. Поэтому в акциях протеста женщины принимали более активное участие, и во многих случаях, как показывают архивные документы, им удавалось уходить от наказания.

Женщины энергично выражали свой протест, и забастовки, массовые выступления демонстрировали крайнюю степень их отчаяния и были последним аргументом в борьбе с произволом или бездействием советской власти. В них уже звучали не только продовольственные требования, но и открыто высказывались антиколхозные лозунги. Так, в одном из донесений ОГПУ, датированном 21 февраля 1932 г., зафиксировано: «На почве продзатруднений в Нем-Хагинском сельском совете отмечено массовое выступление женщин с требованием хлеба; массовое недовольство женщин, выражавшееся в тенденциях „Распустить имущество колхоза и скот, даже распустить колхоз“» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 226].

В некоторых случаях акции протеста со стороны женщин давали действенные результаты. Так, например, после массового сбора митингующих крестьянок в 1-м Икичносовском аймаке 18 января 1932 г. районными организациями было разрешено выдать 100 пудов хлеба нуждающимся колхозникам [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 228].

Женские волнения, носившие зачастую демонстративный, эмоциональный характер, представляли, на взгляд властей, не

столь серьезную угрозу устоям государства, нежели вооруженные мужские выступления. Женщинам делались определенные послабления по части уголовного наказания в связи с участием в антиколхозных выступлениях. К примеру, как определил Верховный суд РСФСР в своих разъяснениях об ответственности членов крестьянского двора по статье 61 Уголовного кодекса от 28 марта 1930 г.: женщины – «угнетенный и подчиненный элемент в крестьянском дворе», и привлечение их к уголовной ответственности «может иметь место лишь в исключительных случаях» [Трагедия советской деревни... 2000: 344].

Анализируя акции протеста в Калмыкии первой половины 1930-х годов, можно говорить о таком специфическом факторе, как гендерно-психологический, обусловившем участие в них женщин-крестьянок. Калмыцкие женщины в большинстве своем, что называется, нутром не восприняли идеи социалистического переустройства деревни. Осуществляемая властями коллективизация сельского хозяйства, обобществление частного имущества лишала женщин традиционного домашнего хозяйства, ведение которого в основном лежало на их плечах, в связи с чем у них были более развиты собственнические инстинкты. Во время голодного бедствия 1932–1933 гг. женщины как матери инстинктивно, самозабвенно и в то же время осознанно бросились на защиту своих детей и домашнего очага. Они понимали, что цели коллективизации угрожают самой жизни их детей, а значит, будущего их семьи, их рода и даже всего калмыцкого народа.

Женщины-калмычки отличались, как известно, особой набожностью, религиозностью. Буддизм на протяжении многих веков оказывал огромное влияние на ментальность и образ жизни калмыков, на формирование мировоззрения и развитие национального самосознания. Религиозные параметры для большинства калмыцкого населения, в особенности женского, в 1930-е гг. сохраняли базисное значение в духовной и бытовой жизни, являлись составной частью нравственного и эстетического воспитания. Отсюда и их гневные протесты против закрытия хурулов, ареста священнослужителей, разграбления и уничтожения церковного имущества, предметов культа. Женщины сознавали, что их интересы, привычный уклад жизни, в определенной степени миро-

воззренческие основы подвергаются коренным изменениям, и как могли, сопротивлялись большевистским новациям.

Гендерно-демографический фактор также обусловил заметное участие женщин в акциях протеста. Выдвижение на первый план женщины-калмычки в переломные моменты истории, каковым являлось предвоенное десятилетие, связано с нарушением традиционного демографического баланса, а точнее — резкого сокращения числа мужчин молодого возраста в связи с военными действиями и мобилизационными кампаниями в период Первой мировой и гражданской войн, уменьшения в целом количественного состава мужского калмыцкого населения в результате политических репрессий, раскулачивания, отходничества. В силу сложившегося демографического перекоса, осознания женщиной своей генетической ответственности как Женщины-Матери, становится вполне понятным усиление процесса женской социализации, проявление, в определенной степени, ее лидирующей роли в жизни общества.

Можно выделить еще один характерный фактор, определивший выступления протеста со стороны калмычек, — гендерно-этнический. Положение женщины-калмычки в традиционном обществе характеризовалось ее подчиненной ролью. В годы коллективизации господствующие в обществе социально-культурные стереотипы в известной мере мешали вовлечению женщин в социально-политическую сферу. В то же время стремление сбросить традиции, в том числе — путем создания условий для сохранения и социализации подрастающего поколения, имело для калмыцкой женщины немаловажное значение. В трудные годы коллективизации сельского хозяйства, она, презирая опасность, отчаянно боролась за выживание своих детей и семьи, за сохранение средств к существованию и домашнего хозяйства.

История калмыцкого народа знает множество примеров, когда женщины-калмычки героически заменяли своих мужей, павших в военных сражениях дороссийского периода — еще в ойратской истории. Так же было и в годы Великой Отечественной войны: сотни женщин сразу же после нападения Германии на СССР в числе первых добровольно мобилизовались на фронт,

принимали непосредственное участие в боевых действиях в рядах Каспийской военной флотилии, в составе партизанских отрядов, в строительстве оборонительных сооружений, железной дороги Астрахань–Кизляр [Очиров 2013: 59]. Они самоотверженно трудились в тылу, на сложных производственных участках, где раньше трудились их мужья, отцы и братья, ушедшие на фронт. Особенно активно гендерно-психологический и гендерно-этнический факторы проявились в годы депортации калмыцкого народа в Сибирь, когда, как и во время голодного бедствия 1932–1933 гг., решалась судьба и будущее калмыцкого этноса.

Советские и партийные органы, в ответ на женский протест в 1930-е гг., пытались выработать приемлемую линию по отношению к крестьянкам, привлечь большее число женщин к активному участию в мероприятиях Советской власти. К крестьянкам, по мнению властей, нужен более «правильный» подход. Во-первых, местным властным структурам предлагалось избегать насилия, грубости и бесцеремонности, которые являлись основными причинами антиколхозного протеста в ходе социалистического преобразования деревни. Во-вторых, усилить политическую работу с крестьянками, распространить на них свою идеологическую агитацию. Такая работа под руководством областного комитета партии и комсомола целенаправленно проводилась по всей Калмыцкой степи. Продолжалась работа «красных кибиток» (передвижного женорганизатора; начало деятельности – 1927 г.), призванных проводить политико-воспитательную работу среди калмычек. Краснокибиточницы активно участвовали в ликвидации безграмотности, организовывали чтение книг, выставки детской и женской одежды, приучали девушек к кройке и шитью и оказанию медицинской помощи кочующему населению. В 1935 г. в республике прошел I областной съезд женской молодежи, призванный активнее вовлекать девушек-калмычек в политическую жизнь деревни через участие в выборах, членство в советах и партии. В Советской Калмыкии были известны имена девушек-активисток Булгун Дертеевой, Тоси Надбитовой, Нармы Шапшукковой и др.

Однако в целом властям в ходе реализации непродуманной государственной

аграрной политики так и не удалось выстроить в полной мере конструктивные взаимоотношения с крестьянством, получить от него понимание и реальную поддержку. Жесткие, насильственные действия властных структур на местах вызывали вплоть до

середины 1930-х гг. выступления протеста со стороны сельского населения Калмыкии, в том числе со стороны женщин. На протяжении последующих лет в довоенное время масштабных акций протеста уже не наблюдалось.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК).

Литература

Ивеницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.

Очиров У. Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной пе-

релом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Дону: ЮНЦ РАН, 2013. С. 53–60.

Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 1008 с.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

Ivnitsky N. A. [Repressive Policy of Soviet Power in the Village (1928–1933)]. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2000. 350 p. (In Russ.)

Ochirov U. B. [Military Mobilization in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1943]. In: [A Radical Turning Point in the Great

Patriotic War: to the 70th anniversary of the liberation of the Don and the North Caucasus] Conf. proc. (Rostov-on-Don; June 6–7, 2013). Rostov-on-Don: Southern Scient. Center of the RAS, 2013. Pp. 53–60. (In Russ.)

[Tragedy of the Soviet Village: Collectivization and Dispossession of the Kulaks. 1927–1939. Documents and Materials]. In 5 vol. Vol. 2. November 1929 – December 1930. V. Danilov, R. Manning, L. Viola (ed.). Moscow: ROSSPEN, 2000. 1008 p. (In Russ.)